

Путинизм как преторианская система

Жан-Робер РАВИО

Март 2018

Французский Институт Международных Отношений (Ифри) является ведущим независимым центром исследований, информации и общественных дебатов в области актуальных международных вопросов во Франции. Он был создан в 1979 году Тьерри де Монбриалем и имеет статус общественно значимой ассоциации (согласно французскому закону об ассоциациях 1901 г.). Институт не подчинен какому-либо административному органу, самостоятельно определяет направления своей деятельности и регулярно публикует результаты своих исследований.

Ответственность за мнения, высказанные в данной статье, возлагается исключительно на её автора.

*Данная статья опубликована в рамках проекта
«Обсерватория России, Кавказа и Восточной Европы» при поддержке
Генеральной Дирекции по Международным Делах и Стратегии (DGRIS)
Министерства Обороны Франции.*

978-2-36567-809-4

© Все права защищены, Ifri, 2018

Прочитать публикацию:

Жан-Робер Равио, «Путинизм как преторианская система»,
Russie.Nei.Visions, № 106, Ифри, март 2018.

Ifri

27 rue de la Procession 75740 Paris Cedex 15 – FRANCE

Tél. : +33 (0)1 40 61 60 00 – Fax : +33 (0)1 40 61 60 60

E-mail : accueil@ifri.org

Веб-сайт: ifri.org

Russie.Nei.Visions

Russie.Nei.Visions – серия электронных публикаций, посвящённых изучению России и других новых независимых государств на постсоветском пространстве (Белоруссии, Украины, Молдовы, Армении, Грузии, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана и Кыргызстана). Статьи, подготовленные ведущими экспертами, посвящены актуальным стратегическим, политическим и экономическим проблемам.

Об авторе

Жан-Робер Равио – доктор политических наук, ведёт курс по современной российской цивилизации в университете Париж-Нантер. Он является руководителем мастерской программы по российским и постсоветским исследованиям, а также соруководителем двуязычного франко-русского отделения на юридическом факультете. Специалист по внутренней политике России, он опубликовал множество статей, а также монографии: «*Qui dirige la Russie?*» [Кто управляет Россией?], *Lignes de Repères*, 2007; «*Démocratie à la russe: pouvoir et contre-pouvoirs en Russie*» [Демократия по-русски: власть и сдерживающие её силы в России], *Ellipses*, 2008. Он также интересуется историей отношений Запад-Восток во время холодной войны (в частности, начиная с 1970-х годов), историей перестройки и конфликтами «новой холодной войны». Под его редакцией недавно вышел сборник «*Russie: vers une nouvelle guerre froide?*» [Россия: к новой холодной войне?], *La Documentation française*, 2016. В настоящее время он готовит обзорную монографию о «путинизме» на английском языке (выйдет печать в 2018 году).

Краткое содержание

В статье сделана попытка отследить историческую эволюцию «путинизма» с 2000 года. С начала 2000-х годов, глава Кремля поставил целью вернуть Россию в центр глобальных процессов, восстановить государство, которое стало бы процветающей державой, играющей значимую роль в глобализованном мире. Централизация власти вокруг Владимира Путина является одним из аспектов преторианского способа осуществления власти. Понятие преторианства служит путеводной нитью, позволяющей понять действия, предпринимаемые верхушкой российского государства, как во внутренней, так и во внешней политике, а также попытаться предугадать, накануне президентских выборов 2018 года, возможную эволюцию осуществления власти в России.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	5
«ПРЕТОРИАНСКАЯ ГВАРДИЯ» КРЕМЛЯ.....	7
ВОЗНИКНОВЕНИЕ «КОРПОКРАТУРЫ»	11
РОСТ ВЛИЯНИЯ ТЕХНОКРАТИИ.....	16
ВОЗРОЖДЕНИЕ ДИНАМИКИ ПРЕТОРИАНСТВА?	20
ПУТИНСКИЙ НАРРАТИВ: СУВЕРЕНИТЕТ И ПАТРИОТИЗМ.....	24
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	29

Введение

Какое определение можно дать российской политической системе после восемнадцати лет правления президента Владимира Путина? Формулировки изобилуют: «современная автократия», «управляемая» или «неконкурентная демократия», «несоветский режим», «новая номенклатура», «милитократия», «правительство униформ»... В данном исследовании предлагаются ключи к пониманию эволюции российской политической системы под руководством Путина, не ограничивающиеся простым сравнением российской политической системы с моделью западной либеральной демократии.

«Путинизм» можно определить двумя способами: с одной стороны, как определённую конфигурацию правящей элиты вокруг ядра, контролирующего принятие решений, а с другой, как выстраивание нарратива (*storytelling*¹), главным «рассказчиком» которого является Владимир Путин и которое непрерывно транслирует интерпретативный комментарий политической истории России *в процессе её создания*. Путинский нарратив – это метадискурс, популистские и патриотические акценты которого до сих пор с несомненным успехом служили укреплению и регулярному обновлению политической легитимности российской правящей элиты. Речь идёт о том, чтобы уловить глубинные источники того, что объединяет российскую правящую элиту, помимо корпоративной солидарности и финансовых интересов – о которых будет упомянуто лишь вкратце, – а именно, ментальную и референтную сферы *партии власти*. Какова логика путинской теории «суверенной демократии»? Откуда возникает оправдание централизации власти в сочетании с идеологией восстановленного могущества – державности – России? Кто правит? Каково ядро властной элиты в сегодняшней России? Каков политический дискурс, создающий легитимность правителей? Как этому дискурсу власти удаётся идти в ногу с населением, нейтрализуя недовольство и оппозицию?

Переведено с французского Натальей Киселевой-Туле.

1. Salmon C. *Storytelling, la machine à fabriquer des histoires et à formater les esprits* [Сторителлинг, машина по изготовлению историй и форматированию умов]. Paris: La Découverte. 2007.

В ответ на эти вопросы в данном исследовании выдвигается следующая гипотеза: в начале 2000-х годов, в результате отказа части российской правящей элиты от политики экономических реформ 1990-х годов – политики, на которую была возложена ответственность за беспрецедентное ослабление России как внутри страны, так и на международной арене, – произошла кристаллизация *российского преторианства*. Первоначально оно представляло собой рефлекторную консолидацию части российской политической элиты вокруг нового политического лидера Владимира Путина. Последний, с момента своего вступления в должность президента, немедленно дал понять, что, в отличие от Бориса Ельцина, он разделяет дух государственников, направленный против олигархического контроля над властью и стратегическими секторами российской экономики. Это состояние ума преобладало в тот момент фактически у всех государственных чиновников, а также в широких массах населения России, считавших себя подвергшимися социальной и экономической деградации.

С 2001 года вокруг Кремля была сформирована преторианская гвардия, которая и сейчас накладывает свой отпечаток на конфигурацию правящей элиты, причём эта «преторианская реакция» элит получила народную поддержку. В конце 1990-х годов значительная часть российской правящей элиты полностью отдавала себе отчёт в том отторжении, которое она вызывала у суверенного народа, слабо представленного политическими и партийными движениями. Слабая легитимность политической системы создавала взрывоопасную ситуацию и вызывала призрак восстаний и даже революции против правителей. Страх перед хаосом и беспорядком, ставший неотъемлемой темой официального дискурса в 1990-х годах, послужил первичным и основным мотивом «аджорнаменто» в преторианском стиле политического дискурса Владимира Путина. Его результатом стал сегодняшний консервативный патриотизм, ставший основой нового политического консенсуса в России.

«Преторианская гвардия» Кремля

Преторианство как политическое явление

«Кремлецентризм²» является главной составляющей политической эволюции России с 2000-х годов. Он характеризуется концентрацией власти и ресурсов (административных, финансовых, а также средств массовой информации) вокруг института главы государства, выполняющего также роль главы исполнительной власти³. Речь идёт не только о *положении* российского президента на вершине институциональной пирамиды, но и о *центростремительной динамике*, неизменно приводящей главные рычаги власти и влияния к Кремлю, географическому и символическому местоположению российской государственной власти. Это движение наблюдалось на протяжении почти двух десятилетий президентства Владимира Путина.

Понятие преторианства вернулось в политическую социологию в начале 1960-х годов благодаря перу Мориса Дюверже и применительно к Франции начала Пятой республики. Перенятое Самуэлем Хантингтоном в работе, опубликованной в 1968 году, понятие преторианства или, точнее, концепция преторианского государства, получило широкое распространение в исследовании политических систем, сочетающих формальные элементы либеральной демократии с авторитарными методами власти, или для обозначения – используя определение Ахмета Инсея в случае Турции – *«процесса, посредством которого армия, при поддержке высшего уровня гражданской бюрократии, устанавливает себя в качестве независимой политической власти, либо действительно прибегая к силовым методам, либо угрожая прибегнуть к ним»*. Таким образом, преторианский режим может рассматриваться как форма демократического авторитаризма или авторитарной

2. Raviot J.-R. Démocratie à la russe : pouvoir et contre-pouvoirs en Russie [Демократия по-русски: власть и сдерживающие её силы в России]. Paris: Ellipses. 2008.

3. Raviot J.-R. Qui dirige la Russie ? [Кто управляет Россией?]. Paris: Lignes de Repères. 2007.

демократии⁴. Ахмет Инсель продолжает: «Преторианство было установлено в республиканской Турции как идеология, выдвигающая на первый план срочную необходимость защитить государство от опасностей, которые могут угрожать извне, но, особенно, от угроз, которые представляют различные "внутренние враги"».

Идеологическая кристаллизация преторианства требует предварительного формирования внутри правящей элиты группы преторианцев – преторианской гвардии, – которая станет главным стержнем того, что Чарльз Райт Миллс называет *треугольником власти*⁵ – политическая и административная, экономическая и финансовая, а также военно-стратегическая (включая «военно-промышленный комплекс») элиты. Для этого социолога, треугольник власти образует неформальную группу, единую по социальному происхождению и мировосприятию, которая направляет ядро политической системы в обход принципов конституционного правления и демократии.

Шестьдесят лет спустя, опытный знаток американских институтов Майк Лофгрэн продолжил тему американского треугольника власти. Он показал трансформацию этого треугольника после окончания холодной войны в настоящее «глубинное государство» (*deep state*⁶). Лофгрэн говорит о «военизации» *Beltwayland* (географическая зона, включающая американскую столицу и её регион), в том смысле, что там теперь несколько сотен тысяч человек заняты в секторах, непосредственно связанных с национальной безопасностью⁷. Глубинное американское государство формирует «гибридную ассоциацию ключевых элементов правительства, высших финансовых должностей и промышленности, способных управлять Соединёнными Штатами без необходимости получить согласие населения путём выборов». Речь идёт не столько о лобби, сколько о сложной и взаимосвязанной «сети сетей», где пересекаются «финансовые, политические и личные

4. *Insel A.* Cet État n'est pas sans propriétaires ! Forces prétoriennes et autoritarisme en Turquie [У этого государства есть собственники! Преторианские силы и авторитаризм в Турции] // *Dabène O., Geisser V., Massardier G.* (Ред.). *Autoritarismes démocratiques et démocraties autoritaires au XXIe siècle* [Демократические авторитаризмы и авторитарные демократии в XXI веке]. Paris: La Découverte. 2008. С. 133-153.

5. *Mills C. W.* *The Power Elite*. New York: Oxford University Press. 1956.

6. *Lofgren M.* *The Deep State: The Fall of the Constitution and the Rise of a Shadow Government*. New York: Viking. 2016.

7. В своём исследовании 2010 года журналисты *Washington Post* установили, что 854 000 занятых в частном секторе (помимо госслужащих) пользуются статусом «top secret» доступа к секретным данным. *Priest D., Arkin W.* *Top Secret America: A Washington Post Investigation* // *The Washington Post*. 2010. <http://projects.washingtonpost.com>.

интересы, выходящие за рамки институтов и крупных корпораций Уолл-стрит и Силиконовой долины». По причине недостаточного доступа к источникам, нельзя утверждать о наличии подобного глубинного государства в России, однако существование преторианского ядра не вызывает сомнений. Российская преторианская гвардия не институционализирована, но именно она ориентирует основные стратегические решения государства и выступает арбитром в наиболее значимых играх влияния и конфликтах внутри российского правящего класса.

Дело Юкоса как свидетельство о рождении «преторианской гвардии»

Преторианская гвардия выкристаллизовалась вокруг Кремля с первых лет президентства Путина. С тех пор её состав мало изменился, демонстрируя завидное постоянство. Эта гвардия сформировалась благодаря делу Ходорковского (выкупившего в 1995 году нефтяную компанию «Юкос» в ходе спорной процедуры приватизации⁸). Арест в октябре 2003 года за мошенничество и уклонение от уплаты налогов, следствие и громкий судебный процесс, которым подвергся самый богатый человек России 2002 года (по рейтингу Форбс) наполнены символическим смыслом⁹. В западных комментариях доминирует интерпретация, согласно которой это дело свидетельствует о желании Кремля заставить замолчать политически, граждански и гуманистически ангажированного либерального олигарха. Действительно, Ходорковский участвовал в публичных дебатах и, в конечном счёте, мог стать оппонентом или даже соперником Путина в российской внутренней политике.

Другие аналитики указывают на тактические манёвры и стратегии, использованные Ходорковским в узком кругу руководителей нефтяных гигантов. Для американского советолога Маршалла Голдмана, постоянные утечки в прессу планов строительства новых нефтепроводов в Китай, а также слухи о переговорах об альянсах с другими мировыми нефтяными гигантами – не говоря уже о широком освещении в СМИ связей руководителя Юкоса с некоторыми видными фигурами властной элиты США, вошедшими в правление его фонда «Открытая Россия», – в итоге вызвали политический эффект. В 2003 году глава

8. *Sakwa R. Putin and the Oligarch. The Khodorkovsky-Yukos Affair.* London: I. B. Tauris. 2014.

9. Двадцатого декабря 2013 года, после 10 лет тюремного заключения, Михаил Ходорковский был амнистирован президентским указом. С тех пор он проживает в Швейцарии, откуда руководит Фондом «Открытая Россия».

Кремля заподозрил олигарха в желании проводить «параллельную» внешнюю политику. В то время, когда Россия (наряду с Францией и Германией) решительно сопротивлялась американско-британскому военному вмешательству в Ираке, в российской прессе прозвучали либеральные прозападные голоса – в том числе голос Ходорковского – с критикой в адрес позиции Кремля, который они призывали не противиться операции «Иракская свобода» (Operation Iraqi Freedom).

Тем не менее, принято считать, что решение президента поддержать судебное преследование против Ходорковского было вызвано предпринятыми последним действиями по продаже своей доли в капитале «Юкоса» «ЭксонМобил» и ВР. Оповещённый об этих сделках в начале октября 2003 года исполнительным директором «ЭксонМобил» (генеральным директором которого в то время был нынешний Госсекретарь Рекс Тиллерсон) на одной из встреч в Нью-Йорке, в кулуарах экономического саммита, Путин, как предполагается, уверился в том, что Ходорковский, позволяя американским компаниям войти в капитал «Юкоса», стремился не просто к рекапитализации своей группы, а к её слиянию с американским гигантом. С точки зрения главы Кремля, стремление вызвать подобное потрясение на мировом энергетическом рынке – в секторе, имеющем огромное стратегическое значение для России, – сделало действия российского магната угрозой для национальных интересов страны¹⁰. Таким образом, дело Ходорковского стало поворотным моментом, позволившим появление и структурирование «путинизма» вокруг преторианской гвардии, созданной из приближённых к президенту руководителей ведомств, являющихся прерогативой государства. Эта гвардия в скором времени возьмёт контроль над стратегическими секторами российской экономики.

10. *Goldman M.* Putin and the Oligarchs. The Khodorkovsky Affair // Foreign Affairs. Ноябрь-декабрь 2004. www.foreignaffairs.com.

Возникновение «корпоративности»

Совмещение политических и экономических функций

Чтобы противостоять любой возможной сделке по поглощению российских стратегических мощностей или ресурсов, в первую очередь, энергетических, Кремль создал себе двойника с достаточно неформальной капиталистической и финансовой структурой, основанной на групповой солидарности и тесных личных связях, возникших из принадлежности одному поколению, а также географическому (Санкт-Петербург) и/или профессиональному (КГБ, ведомства обороны и безопасности) происхождению. Во главе этой «корпорации»¹¹ или «Политбюро 2.0»¹², позади центральной фигуры Владимира Путина, встали министры и высшие должностные лица исполнительной власти и Администрации президента. Отличительная черта членов этой группы заключается в том, что все они совмещают высшие государственные должности с руководством административным советом или советом директоров крупной компании (частной, государственной или смешанного типа). Эта система контроля высшей политической и административной элитой страны над наиболее стратегически важными секторами экономики может быть квалифицирована как *корпоративность*¹³. Инициированный при Медведеве вывод высших должностных лиц из административных советов не увенчался успехом¹⁴. Только в 2012 году совмещения должностей, подвергнувшиеся острому социальному осуждению во время волны политических протестов зимы 2011-

11. Фельштинский Ю., Прибыловский В. Корпорация: Россия и КГБ во времена президента Путина. М.: Терра. 2010.

12. Политбюро 2.0 и посткрымская Россия // Минченко Консалтинг. 23 октября 2015. <http://minchenko.ru>.

13. Корпоративность – это неологизм, сформированный из слов *корпорация* (от английского *corporation*) и *номенклатура* (общая система контроля партии над руководящими постами в советский период). Речь идёт о своего рода новой неформальной номенклатуре, связывающей элиту с управлением самыми высокими должностями в политической и экономической сферах. См. Raviot J.-R. Qui dirige la Russie? *Op. cit.* [3].

14. См. Коростиков М. Уйти, чтобы вернуться: российские чиновники и госкомпании // Russie.Nei.Visions № 87. Ifri. Август 2015. www.ifri.org.

2012 годов против «партии жуликов и воров» (по выражению главного оппонента режиму Алексея Навального), были официально запрещены. Однако этот запрет не поставил под вопрос корпоративную природу государства.

Эмблематичные фигуры

Бывший президент Дмитрий Медведев (2008-2012), а с 2012 года – премьер-министр, занимавший в 2000-х годах должности заместителя главы Администрации президента и председателя правления «Газпрома», является самой символичной фигурой корпоративности. Однако наиболее типичный профиль представляет Игорь Сечин, сегодняшний главный исполнительный директор крупнейшей российской нефтяной компании «Роснефть». Этот петербуржец, лингвист по образованию, специалист по португальскому языку, сделал карьеру в службе разведки советских вооружённых сил (ГРУ), занимая различные секретные посты в португалоязычных странах, прежде чем последовать за Владимиром Путиным в качестве заместителя главы Администрации президента (на всём протяжении первых двух президентских сроков Путина в Кремле с 2000 по 2008 годы), а затем в качестве вице-премьера (когда Путин возглавлял правительство в 2008-2012 годы), совмещая эти высшие политические функции с должностью председателя исполнительного совета «Роснефти» с 2004 по 2011 годы. Сечин олицетворяет собой высшего преторианского «корпората» первого поколения, своего рода «прототип» преторианской гвардии Владимира Путина.

Другая крупная фигура «корпоративного» преторианства – Сергей Чемезов, ещё более близкий к Путину, с которым они вместе работали в структурах КГБ в ГДР в 1980-х годах. Назначенный в 2017 году на пост главы госкорпорации Ростех (гражданские и военные высокие технологии), после руководства Рособоронэкспортом (государственный монополист по продажам оружия), Чемезов с 2012 года занимает высокие посты в партии «Единая Россия». Чтобы проиллюстрировать реальность корпоративности, следует подчеркнуть, что в январе 2017 года Чемезов заседал в советах пяти крупнейших российских компаний (авиация, автомобилестроение, банковский сектор) и руководил по меньшей мере пятью советами крупных российских компаний или госкорпораций (в том числе, «Рособоронэкспорт»).

Можно упомянуть и другие крупные фигуры с аналогичным профилем, даже если они принадлежат отныне прошлому, такие как Владимир Якунин, бывший руководитель (государственной) компании Российские железные дороги, или Сергей Иванов, бывший министр обороны, бывший вице-премьер, глава Администрации президента с 2011 по 2016 годы. Так же как Чемезов и Сечин, они являются силовиками, выходцами из силовых министерств, относящимися, используя термин Ольги Крыштановской, к «милитократическому» профилю¹⁵. По мнению этого социолога, «милитократическая» идентичность членов ядра приближённой гвардии Кремля даже сегодня обуславливает ценности, *этос* или идеологическую ориентацию (консервативный патриотизм и недоверие к Западу) российской властной элиты в целом.

«Милитократы» и «корпократы»

Динамика «корпократизации» российской властной элиты может в среднесрочной перспективе поставить под вопрос «милитократическую» основу преторианской гвардии: в 2007 году директор Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН) Виктор Черкесов предостерег от этого явления в опубликованной им статье, которая стоила ему должности¹⁶. В период смены поколений на вершине государства, «корпократическая» природа российской властной элиты лучше позволяет понять её внутреннюю логику, чем фокализация на несоветской идентичности ядра российского правящего класса: в 2017 году он уже не является тем «новым дворянством», которое вышло из рядов КГБ или привилегированных государственных секторов советского государства и стремилось бы к восстановлению прежнего порядка¹⁷. «Корпократура» уже не ограничивается теми, кого Крыштановская назвала в 2004 году «детьми Андропова», раскованными наследниками «памяти ЧК». Сегодняшние российские «корпократы» уже не просто новые хозяева номенклатуры, конвертировавшиеся в капитализм и глобальные финансы: они образуют беспрецедентную в российской и советской истории правящую группу. В 2017 году *корпократура* характеризуется своим *владением практиками глобализованного капитализма под защитой государственных институтов*.

15. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров. 2004.

16. Черкесов В. Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев // Коммерсантъ. 9 октября 2017. www.kommersant.ru.

17. Soldatov A., Borogan I. The New Nobility: the Restoration of Russia's Security State and the Legacy of the KGB. New York: Public Affairs. 2010.

Далеко за пределами конституционно определённых прерогатив, которыми наделены занимаемые им должности (президента или премьер-министра), Владимир Путин воплощает высший политический авторитет страны. Он является главным арбитром всех конфликтов, персонифицированным гарантом постоянства российского государства. Вне всякой полемики, российская политическая система может быть квалифицирована как «выборная монархия». Однако, за фасадом неустанно провозглашаемого политического единства, российское государство является настоящим двуликим Янусом: с одной стороны, прерогативы государства в традиционных секторах (внутренние дела, безопасность, оборона, иностранные дела...), а также в политико-административной сфере (внутренняя политика и федерализм, региональная политика...), а с другой – обширный экономический и финансовый комплекс, начиная от вице-премьеров и министров экономики, промышленности, энергетики и финансов и заканчивая руководителями крупнейших государственных и частных компаний, включая некоторые крупные банки и, конечно же, занимающий центральное место в этой системе Центральный Банк.

Из этих двух «ликов», наиболее освещён в СМИ тот, что представляет прерогативы государства и символизирует государственность в целом в исторической преемственности с представлениями о постоянном стремлении российского государства к власти и силе. Хотя силовики и «клоны Путина» продолжают привлекать объективы камер, стратегический столп государства переместился на его экономическую и финансовую составляющие. Другими словами, российское государство сегодня гораздо более *корпоративно*, чем *милитокративно*. Российское преторианство теперь закреплено в обширном экономическом и финансовом комплексе, ставшем нервным центром правящей элиты и ядром системы принятия решений. Это смещение центра тяжести началось в ходе второго президентского мандата Путина (2004-2008) и усилилось впоследствии.

Один из депутатов, изошённый аналитик российской политической и институциональной эволюции, констатирует эту «корпоратизацию» политических и парламентских элит и сожалеет об укреплении – которое он называет фундаментальным изменением, константой последних двадцати лет – позиции новых депутатов, главным образом технического профиля, «полностью деполитизированных» и гораздо более склонных «*прислушиваться к требованиям крупных компаний, чем отвечать ожиданиям*

населения, с которым они никогда не встречаются¹⁸». Бывший заместитель главы управления Администрации президента, отвечающий за внутреннюю политику, ещё более откровенен относительно «корпоративной» эволюции, происходящей внутри российской правящей элиты:

«борьба с коррупцией, череда увольнений и назначений регулярно комментируются как имеющие политическую или даже идеологическую природу, в то время как они являются лишь прикрытием тех войн, ставками в которых выступают завоевание или защита экономических и финансовых интересов, ведущих, в любом случае, к исключительно частным интересам... Силовики-патриоты – это персонажи, которые либо принадлежат прошлому, либо играют роль, разыгрывают комедию для телевидения и западных комментаторов¹⁹».

18. Интервью автора с этим депутатом (1950-го года рождения), математиком, профессором МГУ, членом фракции коммунистов в Госдуме с 1995 года, депутатом и первым вице-президентом Госдумы с 2011 года. Москва. Март 2017 года.

19. Интервью автора с этим аналитиком (1973-го года рождения), бывшим советником главы администрации правительства (2011-2012), бывшим заместителем главы управления Администрации президента, отвечающим за внутреннюю политику (2012-2014), бывшим членом Общественной палаты Российской Федерации, директором аналитического центра консервативного толка. Москва. Март 2017.

Рост влияния технократии

Кто придёт на смену традиционным силовикам?

После возвращения в 2012 году Владимира Путина в Кремль продолжается начавшаяся в 2008 году эволюция преторианской гвардии, отмеченная отступлением «милитократов». Отстранение ряда крупных фигур позволяет Владимиру Путину продемонстрировать, что он борется с коррупцией, не жалея даже высшие круги правящей элиты. В этом смысле, поворотным моментом становится отставка в октябре 2012 года министра обороны Анатолия Сердюкова. Заподозренный в том, что он, якобы, закрыл глаза на выстраивание неких «коррупционных схем» в группе «Оборонсервис» – коммерческом предприятии, оказывающем услуги российским вооружённым силам и подразделениям министерства обороны – Сердюков стал первым с 2000 года высокопоставленным чиновником, официально отстранённым от должности. Его сменил Сергей Шойгу, человек из ближайшего окружения Путина, что стало свидетельством желания главы Кремля полностью обновить «милитократическую» составляющую правящей структуры и даже развить её «немилитократическую» составляющую (см. *ниже*). Отстранение в 2016 году Виктора Иванова, долгое время считавшегося одним из самых влиятельных людей в окружении президента, символизирует «закат» традиционных силовиков и снижение влияния преторианской гвардии 2000-х годов. Вышедший из рядов КГБ, в прошлом заместитель главы Администрации президента, Иванов занимал (одновременно с постом в исполнительной власти) несколько важных должностей во главе крупных предприятий военно-промышленного комплекса, а затем в компании Аэрофлот, прежде чем занять пост главы ФСКН в 2008 году. В мае 2016 года Иванов был отстранён от всех постов в исполнительной власти.

Помимо громких увольнений, «корпократура» претерпевает «естественный» процесс смены поколений. «Поколение Путина» (родившегося в 1952 году) сменяют люди нового профиля, в первую

очередь, технократы и управленцы. Антон Вайно (родившийся в 1972 году), назначенный в августе 2016 года на пост главы Администрации президента, воплощает новое действительно постсоветское поколение технократов, не имеющих ни профессионального прошлого, ни связей в силовых структурах, доминировавших в советскую эпоху. Выпускник Московского Государственного Института Международных Отношений (МГИМО), традиционной колыбели дипломатов и высших административных кадров на федеральном уровне, Вайно является ярким представителем «цивиликов» («гражданских», в противоположность «милитократам»-силовикам) – управленческих кадров федеральной администрации, крупных промышленных и финансовых групп и/или юристов и советников (зачастую их карьера развивается вокруг этих трёх полюсов), – которые вытесняют из правящих элит силовиков и сырьевиков (высшие кадры крупных энергетических и добывающих предприятий, зачастую бывшие силовики). Рост влияния «цивиликов» можно рассматривать как социологическую тенденцию, связанную с экономической и социальной модернизацией всей России. Этот рост можно также воспринимать и как результат политической воли «тандема» Путин-Медведев развивать приверженность меритократической кадровой политике. Дмитрий Медведев, провозгласивший в ходе своего президентского срока лозунг «модернизации», с 2008 года учредил систему «резерва кадров», чтобы привести в действие меритократический механизм подбора кадров и управления карьерным ростом кадров федерального государства. С тех пор эта система распространилась и стала обычной практикой во всех федеральных и региональных институтах, а также в крупных организациях и компаниях. Одно весьма информативное исследование показывает, что выбор власти в пользу «меритократического императива» отвечает «потребности общества в меритократии». Однако следует подчеркнуть на первый взгляд парадоксальный факт того, что этот выбор способствует росту социального неравенства в России, где, как и во многих других государствах мира, «капитал» (материальный, но также социальный и символический) всё больше концентрируется в руках высшего слоя среднего класса, проживающего в мегаполисах, таким образом, что «потребность в меритократии» усиливает тенденцию *«технократизации федеральной бюрократии»* и *«провоцирует обуржуазивание российских элит в целом»*. Отныне лишь дети из высших социальных слоев, родившиеся и/или получившие образование в мегаполисах (в первую очередь, в Москве и Санкт-Петербурге) и имеющие диплом определённого учебного заведения,

могут претендовать на высокопоставленные государственные должности федерального уровня (и в крупных корпорациях)²⁰. Таким образом система *корпоративности* должна привести к появлению более меритократического, но также и более социально и географически ограниченного правящего класса, всё более отличающегося от остального российского общества как уровнем, так и образом жизни, а также мировосприятием.

Корпоративная туманность

Система *корпоративности* сплетает ткань «корпоративной туманности», состоящей из административных, политических, экономических и финансовых сетей, пересекающихся коалициями интересов, клиентельными, а также непотическими и даже династическими альянсами. В подковерных битвах титанов сталкиваются различные «сегменты» российской элиты (силовики, *сырьевики*, *цивилики*). В отличие от эпохи приватизации начала 90х годов, эти столкновения не связаны ни с различием профессиональных культур, ни с идеологическими разногласиями. В них превалирует «корпоративная» логика. После введённого в 2012 году запрета на совмещение должностей в исполнительной власти и во главе крупных корпораций некоторые крупные руководители сохранили за собой лишь *корпоративные* функции, как вышеупомянутый Игорь Сечин, оставшийся во главе «Роснефти».

Означает ли это, что российское преторианство стремится скорее к «корпоративности», чем к государственным прерогативам? Подобное развитие событий бросает серьёзный вызов самому существованию преторианской гвардии и преторианства. В своём недавнем комментарии того, что он называет «доктриной Сечина» и что соответствует понятию преторианства, либеральный политолог Владимир Пастухов делает вывод об устаревании путинизма: «*Режим, созданный исключительно с охранительными целями и поставивший перед собой задачу заморозить русское общество на десятки лет вперед, сам того не желая, производит глубочайшую революционную вспашку этого общества, приближая свой неминуемый финал*»²¹. Кажется, Пастухов надеется на то, что ослабленная изнутри «путинская система» развалится, столкнувшись с ростом того, что он называет «общественным спросом на

20. Дятликович В., Чапковский Ф. Кто есть кто и почему в российской элите. Социальная сеть российских чиновников // Русский репортёр. 7 сентября 2011. <http://rusrep.ru>.

21. Пастухов В. «Доктрина Сечина»: взлёт и падение государственно-олигархического капитализма в России // Новая газета. 22 марта 2017. www.novayagazeta.ru.

либерализм» (больше меритократии, более эффективная борьба с коррупцией, большая открытость международному сообществу) среди высших кадров нового поколения. По мнению автора, путинизм – этот полицейский авторитаризм, – уже агонизирует, и Россия стоит на пороге новой эры либеральных реформ, вызываемых глубинной эволюцией российского общества. Пастухов считает, что Путин сам предпринял попытку либерализации, чтобы *«попытаться следовать за движением, которое он не контролирует»*. В прогрессе *цивилюков* на вершине элит он видит признаки неизбежной либерализации. В частности, он приводит пример недавнего (октябрь 2016) назначения Сергея Кириенко, в прошлом премьер-министра у Ельцина, на пост заместителя главы Администрации президента вместо Вячеслава Володина, влиятельного чиновника Кремля, возглавившего Думу в результате парламентских выборов сентября 2016 года. Однако Кириенко – экономист по образованию, вышедший из либеральных кругов государственной бюрократии 1990-х годов, на протяжении всей «путинской эры» (с 2005 по 2016 годы) занимал высокую должность главы «Росатома», федерального агентства по атомной энергии, на стыке *корпократуры* и государственной власти. Поэтому его стоит рассматривать не столько как «либерала», отстранённого на периферию властных структур, сколько как весьма лояльного «корпократа», *цивилика* первого поколения, всегда принадлежавшего если и не самому узкому кругу, то весьма ограниченной группе из 500 ключевых должностных лиц *корпократуры*...

Возрождение динамики преторианства?

В противоположность тезису о «вырождении путинизма» многое указывает на подъём российского преторианства, ведущий к консолидации путинизма.

По причине централизации российских экономических и финансовых ресурсов, экономическое развитие России и, в более широком смысле, российская стратегия глобализации зависят от ограниченного числа ключевых секторов экономики, тесно связанных с государством. В этих условиях корпоратура не сводится к политико-административному устройству, направленному на поддержание и усиление господства небольшой части элит над властью и ресурсами: она проистекает из стратегии, основанной на факте структурной зависимости России от нескольких крупных корпораций и секторов (энергетика, сырьё, вооружение), которые политические элиты обязаны «защищать» (и контролировать). Даже если легитимное применение силы (осуществление суверенной власти в обороне, политике, безопасности и т.д.) в материальном и символическом значениях остаётся и останется ключевым ресурсом осуществления власти, другие прерогативы государства, менее заметные невооружённым глазом (финансовое и экономическое регулирование, юридические и судебные практики), получают большую значимость, что приведёт к уменьшению периметра влияния и действий «традиционных» силовиков (внутренние дела, оборона, безопасность...) и росту влияния специалистов более технического профиля (кибербезопасность и мониторинг интернет-сетей, налогообложение и налоговая полиция, технические, финансовые и природоохранные нормы...). Таким образом, технократизация правящих элит не отодвинет «преторианские политические ресурсы» на второй план. Наоборот, возможно, мы станем свидетелями рождения новой «преторианской технократии», выросшей из вышеперечисленных новых секторов.

В будущем такое развитие событий серьёзным образом отразится на структуре российской государственной элиты. «Борьба кланов» за захват этих новых «административных ресурсов» без сомнения станет решающей. Бессмысленно делать ставку на

«естественную вестернизацию» российской элиты, которая могла бы проистечь из глубинной эволюции её нравов и мировосприятия. Невозможно прогнозировать изменения политической системы в среднесрочной перспективе прежде, чем станет понятно, каким образом первое поколение *корпоративности* будет передавать свой капитал (социальный, экономический, политический, символический). При этом стоит отметить, что этот процесс передачи наследства находится ещё в самом своём начале. Создаст ли высший слой *корпоративности* какие-либо коллективные стратегии, или же он подчинится индивидуалистскому принципу «спасайся кто может»? Возникнет ли солидарность класса власть имущих и собственников, учитывая, что концентрация богатств и власти в России значительно выше, чем в государствах Европейского союза? Или же эта группа растворится, передав своим наследникам лишь богатства, как правило вывезенные за пределы страны, но не политическую власть, которой она обладает, и которая не воспринимается в качестве ресурса представителями нового поколения, менее связанного с Россией (обучение и проживание за границей...)?

В своём сравнительном анализе «сильных государств» (российский, турецкий, пакистанский и китайский авторитарные режимы) политолог Андрей Цыганков выделяет две стратегии, которые могут позволить увековечение политических систем этих государств: контроль «сверху» за составом ядра правящей элиты и постоянная переформулировка мотивирующих целей для различных составляющих её групп, а также для более широких пластов гражданского общества²². Для того, чтобы преторианская гвардия, появившаяся в начале 2000-х годов, оставалась устойчивой структурой, Владимир Путин должен предусмотреть её обновление, сохраняя при этом контроль над государственным бюрократическим аппаратом и удерживая власть над коалициями, формирующимися внутри правящей группы *корпоративности*. Главную трудность для него будет представлять удержание своей позиции в центре векторов силы, что потребует полного овладения каналами распространения информации и возможности контроля над процессом смены поколений.

Осознавая процессы, ослабляющие преторианскую гвардию, Владимир Путин, в контексте украинского кризиса и аннексии Крыма, принимает решение о содействии становлению

22. Цыганков А. Сильное государство: Теория и практика в 21 веке // Валдайские записки. № 15. Клуб Валдай. Май 2015. <http://ru.valdaiclub.com>.

«неомилитократии». Речь идёт об укреплении ядра преторианской властной элиты путём усиления и обновления статуса *силовика*. Создание в 2016 году Росгвардии на базе милитаризованного подразделения Министерства внутренних дел (МВД) зачастую рассматривается под углом укрепления авторитаризма²³. Руководство этим подразделением было поручено человеку из ближайшего (петербургского) окружения и поколения Владимира Путина – Виктору Золотову, бывшему руководителю службы безопасности президента (2000-2013 годы) и заместителю министра внутренних дел. Эта инициатива демонстрирует желание президента усилить свою преторианскую гвардию. Действительно, создание Росгвардии, непосредственно подчиняющейся президенту, фактически расширяет полномочия Кремля в сфере безопасности. Отныне, благодаря возможности назначать руководителя Национальной гвардии, глава государства контролирует большую часть вооружённых сил и спецподразделений, которые прежде подчинялись МВД или другим силовым ведомствам. Символически этот жест может означать желание «вернуться к источникам» путинизма.

Президент подал и другие сигналы, свидетельствующие о повышении престижа *силовиков* во властной элите. Назначение в 2012 году Сергея Шойгу на пост министра обороны явно продемонстрировало желание выдвинуть выдающуюся политическую фигуру: глава МЧС с 1994 по 2012 годы, Шойгу на протяжении двадцати лет пользуется большой популярностью в российском общественном мнении (второе место после Владимира Путина). Это назначение отвечает также стремлению обновить имидж милитократической составляющей – ядра преторианской гвардии. Сергей Шойгу, действительно, воплощает «неомилитократический» профиль, сочетающий вполне традиционные черты военнотружущего с весьма современным (и благоприятным для подачи в средствах массовой информации) «гуманитарным» профилем. Шойгу ценен как своим имиджем профессионала в области применения легитимной силы, так и способностью (довольно редкой в кругу российских высших чиновников) проявлять сострадание «простым россиянам». Ему удалось продемонстрировать этот талант во время крупных стихийных бедствий или террористических актов, в частности, во

23. Пастухов В. *Op. cit.* [21].

время пожаров летом 2010 года²⁴. Таким образом, обновление преторианства позволяет усилить не только режим, но и его легитимность.

24. *Bertrand E.* Pouvoir, catastrophe et représentation : mise(s) en scène politique(s) des incendies de l'été 2010 en Russie occidentale [Власть, катастрофа и представления: политическая(ие) мизансцена(ы) пожаров лета 2010 года в западной России]. Докторская диссертация по политическим наукам. Institut d'études politiques de Paris. 2016.

Путинский нарратив: суверенитет и патриотизм

В своих многочисленных речах и выступлениях в средствах массовой информации Владимир Путин развивает тему «собственной» политической истории, тщательно продумывая рассказ о том, как он вошёл в Историю. В речах Путина важна не форма, а само повествование (*storytelling*), объясняющее его политический выбор и несомненно составляющее основу его политики в том смысле, что дискурс главы государства, центрального звена российской политической системы, является единственной формой власти, полностью подчиняющейся его контролю²⁵.

Некоторые либеральные комментаторы справедливо подчёркивают ограниченность контроля центральной власти над общественными институтами. Экономист Владислав Иноземцев называет путинизм «*системой державного бессилия*», поскольку Россией руководит «*человек, который много говорит, но не готов сделать ничего конкретного*»²⁶. В то время как необходимость сильного государства составляет основу официальной риторики, эффективность «*вертикали власти*», на которую должен бы опираться Владимир Путин, регулярно ставится под сомнение, в том числе и аналитиками, приближёнными к власти. Главный редактор еженедельника «*Эксперт*» Валерий Фадеев охотно подчёркивает слабость российского государства, тем более что «*правлящие элиты, которых считают коррумпированными и привилегированными – новые бояре, – вызывают глубокое недоверие, что не позволяет им проводить в жизнь изменения, которые они, по их заявлениям, хотели бы внести*». Путин, «*ставший экспертом в инструментализации идеологии*», может словом повлиять на «*смещение тектонических плит в российской власти (...), где горизонтальные колебания между группами интересов и лобби имеют большее значение, чем вертикальные предписания, ...*

25. Эта точка зрения представлена в Становая Т. Власть без политики: как прямая линия выявила новое качество режима // Московский Центр Карнеги. 26 июня 2017. <http://carnegie.ru>.

26. Иноземцев В. Державное бессилие: каковы итоги 16-летнего правления Владимира Путина? // РБК. 12 января 2016. www.rbc.ru.

поскольку инициативы сверху весьма ограниченно влияют на реальность». Фадеев, а вместе с ним ряд других близких к власти обозревателей, настаивают на том, что слово Путина как основной инструмент осуществления власти имеет всё же ограниченное влияние на общественные институты. «Путин публично жалуется на то, что едва лишь четверть его распоряжений выполняется», а остальные либо игнорируются, либо обходятся их исполнителями²⁷.

Поскольку владение дискурсом (*storytelling*) служит главным рычагом политического влияния, обновление перечня аргументов, легитимизирующих политику Путина, является главным инструментом устойчивости политической системы в целом. Так, после того, как риторика «стабилизации» и «консолидации» начала 2000-х годов исчерпала себя, что стало особенно заметным во время протестов зимой 2011-2012 годов, внешнеполитические темы стали одним из источников восстановления легитимности Владимира Путина внутри страны. За последние пятнадцать лет этот внешнеполитический дискурс стал более уверенным и ясным. До 2007 года российский президент уже высказывал своё намерение вернуть России её место на международной арене, где её статус буквально обрушился в 1990-х годах. Но поворотным моментом стала Мюнхенская речь (февраль 2007 года), в которой была чётко озвучена приверженность России принципам суверенности. Этот дискурс усовершенствуется в дальнейшем, в частности, в Сочинской речи, произнесённой Путиным перед Валдайским клубом в 2014 году.

Взаимосвязь между внешней и внутренней политикой имеет исключительно важное значение. Необходимость восстановления статуса великой державы, заявленная Владимиром Путиным с момента его прихода к власти, возникла не только как стремление вернуть потерянное, но и из желания воздействовать словом, а именно, предотвратить развал Российской Федерации, столкнувшейся с угрозами нового типа (исламский терроризм, иностранное экономическое, политическое или гуманитарное вмешательство, сепаратизм и политический «экстремизм»). Эти угрозы напоминают одному из поколений российских руководителей ситуацию, сложившуюся перед распадом Советского Союза, тяжело пережитым ими. Переориентация внешней политики России на восстановление могущества опирается на широкий консенсус руководящих элит и общественности. Мюнхенская речь определяет структуру того, что для простоты можно назвать российской идеологией суверенитета, так как глава Кремля демонстрирует в ней отличный от западного взгляд

27. Интервью автора с Валерием Фадеевым. Москва. Март 2017.

на мир. Он чётко формулирует стремление России к «неовестфальскому» порядку, чтобы покончить с однополярным миром, формирующимся и руководимым американской державой и её евроатлантическими союзниками, которых он открыто назвал «вассалами». Тогда как США в конце 1990-х годов склонились к доктрине *full spectrum dominance*, внешнеполитической доктриной Путина стала идея равновесия между великими державами, которую кратко можно сформулировать следующим образом: Россия должна мобилизовать все векторы своей способности причинить вред, все имеющиеся в её распоряжении классические дипломатические приёмы и способы влияния с тем, чтобы, по контрасту, продемонстрировать бессилие американского *гегемона*, увязшего в собственном всемогуществе. Динамика «путинизма», как в дипломатической сфере, так и в сфере внутренней политики, заключается в прагматизме, направляемом глубоко консервативной логикой поддержки мощи и преемственности государства. В Сочинской речи 2014 года Владимир Путин акцентировал этот аспект, подняв при этом градус полемики с Соединёнными Штатами, обвинив их в том, что они ведут себя как «нувориши, на которых вдруг свалилось огромное богатство»²⁸...

Российский патриотизм выступает другой основной составляющей путинской риторики, носящей преторианский акцент. Патриотическая риторика, получившая новый импульс благодаря всплеску энтузиазма под лозунгом «Крым наш» в контексте «присоединения Крыма» к Российской Федерации, получила форму того, что обычно называют путинским консенсусом, который регулярно измеряется опросами общественного мнения, подтверждающими неизменно высокий уровень доверия Владимиру Путину. Переятая крупными средствами массовой информации (СМИ), эта патриотическая риторика, постоянно подпитываемая победой 1945 года, задумана как консолидирующий элемент, направленный на достижение национального единства (против внешних, но также и против внутренних угроз) и стимулирующий постоянную мобилизацию населения вокруг своих правителей в едином порыве и в единой борьбе. Российский патриотический дискурс позволяет отодвинуть на второй план наиболее острые для населения вопросы политического и социального характера: коррупцию, социальное и территориальное неравенство, этнические, культурные и религиозные противоречия, многочисленные

28. Владимир Путин. Речь, произнесённая в Валдай-клубе. Сочи. 24 октября 2014. См. Валдайская речь Путина. Основные тезисы // Вести.ру. 24 октября 2014. www.vesti.ru.

последствия неолиберальной политики, также являющиеся важной составляющей «путинизма». В этом смысле путинский *storytelling*, преследуя целью «создание единства», выходит за пределы дискурса, направленного лишь на достижение согласия.

Именно в этом контексте следует рассматривать успех демонстраций «Бессмертного полка». Проходящие с 2014 года, шествия 9 мая собрали миллионы человек на улицах крупных городов России и за рубежом. «Бессмертный полк» возник в 2011 году по инициативе группы томских журналистов, решивших привнести в празднование Дня Победы 9 мая «народный», менее официальный компонент: традиционно этот праздник отмечается шествованиями ветеранов и большим военным парадом на Красной площади, который передаётся в прямой трансляции по телевидению. Эта инициатива была изначально направлена на «возрождение памяти о Великой Отечественной войне в молодых поколениях», и на её «оживление» связью «великой истории» с личной, семейной историей (память о предке, фотография которого печатается на табличке и проносится на демонстрации 9 мая). Один из главных инициаторов движения, президент Совета «Бессмертных полков» так объясняет его успех: «Бессмертный полк» позволил выразить патриотизм на более глубоком, менее торжественном уровне, он в некотором смысле «демократизировал» народный патриотизм, сместив акцент празднования 9 мая, *«теперь народ не просто смотрит на военный парад (победителей), а берёт память в свои руки»*. В то же время он не согласен с политической интерпретацией, считающей эти шествия выражением своего рода «гражданского преторианства», а демонстрантов – «защитниками государства» и его правителей²⁹. С его точки зрения, «бессмертный полк» служит проявлением всенародного и аполитичного патриотизма. Стоит признать, что эта массовая мобилизация, вкупе с эффектом «Крым наш» – большая удача для власти, риторика которой, в продолжение послевоенной советской истории, опирается на фундамент «Великой Победы 1945 года». Несомненный успех шествий, собравших в 2017 году миллионы россиян и выходцев из стран бывшего СССР по всему миру, по-видимому, свидетельствует о том, что преторианская риторика власти поддерживается населением. Тем не менее, в связи с постепенным уходом ветеранов и растущей удалённостью молодого поколения от «живой памяти» этой войны, власть будет вынуждена обновить свой репертуар «памятных событий» и изменить нынешний

29. Интервью автора. Москва. Март 2017.

официальный дискурс, который *«умело апеллирует к прошлому, но совершенно не говорит на языке молодёжи»*³⁰...

30. Интервью автора. Москва. Апрель 2017.

Заключение

В противоположность мнению либералов о неумолимом «закате путинизма», многочисленные факторы свидетельствуют о его новом расцвете. Явление «Крым наш» продемонстрировало, что российский патриотизм представляет источник символических и мемориальных ресурсов, позволивших возродить «путинизм» и придать ему новую легитимность. Следовательно, российское преторианство может положить начало позитивным изменениям в ходе весьма вероятного четвёртого президентского срока Владимира Путина (2018-2024). Оно не только не будет тормозом, но может стать главным двигателем экономического развития. Объективная централизация экономических и финансовых ресурсов России ставит экономическое развитие и способы вовлечения страны в процессы глобализации в зависимость от небольшого числа крупных стратегически важных секторов экономики, связанных с государством. Таким образом, *корпоратура*, появившаяся в результате экономической стратегии, основанной на понимании реальности того, что Россия зависит и останется зависимой от нескольких крупных компаний и секторов экономики (энергетика, сырьё, вооружения), может рассматриваться как рациональная и эффективная стратегическая конфигурация. Поэтому изменений в российской политической системе стоит ожидать не раньше вероятного ухода Владимира Путина с российской политической сцены в 2024 году, в возрасте 72 лет. «Путинизм» перестанет существовать за неимением другого столь же харизматичного и доминантного руководителя. При этом, до настоящего времени ни одному оппозиционному политическому движению не удалось организовать настолько, чтобы представить альтернативу «путинизму».

Тем не менее, даже если «закат путинизма» не представляется возможным до 2024 года, стоит всё же отметить его уязвимость. Эта система несомненно опирается на обдуманый и эффективный политический дискурс, однако разрастание её преторианской составляющей указывает на то, что её динамика основана на поддержании определённого уровня противостояния с западным «врагом». «Соппротивление империализму Вашингтона» служит той красной нитью риторики, которая поддерживает популярность преторианства и, как следствие, легитимность режима и

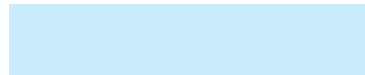
действующего президента. Кроме того, важно не забывать о двух основных признаках неустойчивости путинизма, которые могут иметь решающее значение в переходный «пост-путинский» период. Во-первых, наблюдается очевидный износ механизма власти. Об этом свидетельствует массивное обновление элит, производимое с 2016 года в правительстве, федеральной администрации и среди губернаторов (глав администраций регионов и республик). Во-вторых, необходимо отметить эрозию путинской демократии без политической альтернативы, с единственной правящей партией и управляемой «по вертикали» администрациями (президентской, региональными, муниципальными...). Появление политической оппозиции, способной прийти к власти путём голосования, кажется маловероятным. Тем не менее, российская политическая система опирается не на поддержку большинства граждан – как можно было бы ошибочно предположить на основании результатов президентских и парламентских выборов, – а на лояльность «по умолчанию» относительного большинства к действующей власти, в то время как абсолютное большинство населения остаётся деполитизированным и безразличным к вопросам политики.

Последние публикации

Russie.Nei.Visions

- [Файнберг С., «Спецназ, контрактники, волонтеры: российские экспедиционные войска в сирийской операции»](#), Russie.Nei.Visions, № 105, декабрь 2017.
- [Пажон С., «Япония-Россия: пределы стратегического сближения»](#), Russie.Nei.Visions, № 104, октябрь 2017.
- [Суслов М., «"Русский мир": политика России в отношении соотечественников за рубежом»](#), Russie.Nei.Visions, № 103, июль 2017.
- [Марэн А., «Минск-Пекин: возможно ли стратегическое партнёрство?»](#), Russie.Nei.Visions, № 102, июнь 2017.
- [Факон И., «Оборонная реформа Украины: трудности и вызовы»](#), Russie.Nei.Visions, № 101, май 2017.
- [Ло Б., «Россия-Китай-Индия: старые треугольники в новом мировом порядке?»](#), Russie.Nei.Visions, № 100, апрель 2017.
- [Ларюэль М., «Кадыровизм: ислам на службе у Кремля?»](#), Russie.Nei.Visions, № 99, март 2017.
- [Карин Е., «Дилеммы безопасности Центральной Азии»](#), Russie.Nei.Visions, № 98, февраль 2017.
- [Баев П., «Стратегическое влияние России в странах Центральной и Восточной Европы»](#), Russie.Nei.Visions, № 97, ноябрь 2016.
- [Иноземцев В., «Модернизация российской экономики: причины провала»](#), Russie.Nei.Visions, № 96, сентябрь 2016.
- [Лихачев В., «Правые радикалы по обе стороны российско-украинского конфликта»](#), Russie.Nei.Visions, № 95, июль 2016.

Если Вы хотите получать информацию о следующих выпусках, Вы можете оформить бесплатную подписку по адресу: souin@ifri.org

ifri

institut français
des relations
internationales